АЛЕКСАНДР ПИК

ВТОРАЯ ЖЕНА

Александр Пик

Вторая жена

«Автор»
2026

Пик А.

Вторая жена / А. Пик — «Автор», 2026

После свадьбы реставратор Ника переезжает в дом мужа на побережье Калининградской области. Здесь все напоминает о его первой жене Вере, которую считают погибшей. Ника старается не тревожить прошлое — пока не получает первое загадочное сообщение.Отправитель знает устройство дома и указывает на тайники в старой лестнице. В найденных бумагах обнаруживаются странные исправления, чужие подписи и следы финансовых махинаций. Муж скрывает часть правды, его деловой партнер предлагает слишком удобные объяснения, а сообщения становятся настойчивее. Ника понимает, что ее навыки реставратора нужны кому-то не меньше, чем ее доверие.Каждая улика меняет смысл предыдущей. Чем больше Ника узнает о первой жене, тем труднее понять, кто жертва, кто манипулятор и почему именно она оказалась в центре чужой истории. Чтобы выбраться, придется перестать принимать чужие версии за собственные решения.«Вторая жена» — психологический триллер о семейных тайнах, подмене правды и цене права на свой выбор.

© Пик А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ЧУЖОЕ МЕСТО 5
Пролог 5
Глава 1. После гостей 6
Глава 2. Запрет 15
Глава 3. Дом с чужой привычкой 24
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Вторая жена

ЧАСТЬ I. ЧУЖОЕ МЕСТО

Пролог

17 ноября 2024 года

Шторм срывал с берега песок и бросал его в стекла пустой сторожки. Ветер выл под низкой крышей так, что за ним исчезал шум прибоя. Море было черным; белая пена возникала в темноте внезапно, словно кто-то на мгновение включал свет под водой.

У кромки мокрой травы лежал плащ цвета песка. Один рукав вывернулся наружу, пояс волочился по гальке. Ткань успела напитаться водой, но тяжелая пряжка еще блестела, когда до нее доставал луч фонаря с дальней дороги. Рядом, экраном вверх, лежал телефон. На стекле проступала сеть трещин, в одной задержалась крупинка песка. Экран гас, снова загорался и на несколько секунд делал видимым мокрый воротник плаща.

Дальше берег обрывался к полосе камней. В приливной воде уже не разобрать было, кто спускался к ней и спускался ли вообще. Зато выше, там, где песок защищали сосны и бетонная стенка, сохранились следы подошв. Одна цепочка шла от тропы к технической калитке. Вторая подходила к ней с другой стороны, с узкого проезда, куда редко заглядывали гуляющие. У самой створки отпечатки накладывались друг на друга. Было невозможно сказать, встретились здесь двое или один человек несколько раз прошел по тому же месту.

Калитка стояла почти закрытой. На петле дергалась проволока, которой ее обычно приматывали к столбу; внизу торчал обломанный стебель сухой травы. От проезда тянуло горячим металлом, а потом ветер повернул, и осталась только соль. Где-то за соснами коротко щелкнуло — будто захлопнулась автомобильная дверь. Шум моря немедленно проглотил звук.

На телефоне вспыхнуло новое уведомление. Свет задержался на стекле дольше обычного, после чего экран снова потемнел. Никто не поднял аппарат. Не поправил плащ. Не расправил сбитую ветром траву, через которую проходили следы.

Когда до берега добрался первый человек с фонарем, дождь уже превратил четкие края отпечатков в расплывчатые темные ямки. Луч скользнул по ткани, по телефону и дальше, к воде. До калитки он не дошел.

За бетонной стенкой ветер продолжал шевелить проволоку. Раз за разом она стукалась о столб — тихо, почти по-домашнему, словно кто-то осторожно просил открыть.

Глава 1. После гостей

В чужом доме Ника впервые нашла себя в шкафу.

Вернее, свое пальто — серое, с обтрепанной подкладкой возле правого кармана. Вчера она повесила его на крайнюю вешалку в прихожей. Сегодня пальто лежало на нижней полке, сложенное втрое, рукав к рукаву, словно его собирались убрать насовсем.

Ника присела, подняла пальто за воротник и посмотрела на штангу. Там висели две мужские куртки Матвея, непромокаемый плащ цвета мокрого песка и тонкая женская ветровка. Плащ занимал целую половину шкафа. У него был потертый пояс с тяжелой пряжкой и аккуратно зашитый разрез у подмышки. В кармане угадывался твердый прямоугольник — может быть, старый проездной.

— Ты чего там? — спросил Матвей с кухни.

— Ищу место.

Он появился в дверях босиком, с кухонным полотенцем через плечо. На большом пальце темнела вчерашняя царапина. Ника помнила, как на свадебном ужине он старательно прятал эту руку от фотографа.

— Места много, — сказал он.

— Я заметила.

Матвей заглянул в шкаф. На секунду его взгляд остановился на песочном плаще.

— Да, надо разобрать. Сейчас.

Он снял плащ, ветровку и, не решив, куда их девать, прижал к груди. Ника встала, давая ему пройти.

— Куда? — спросила она.

— Пока наверх. Потом посмотрим.

— Я могу помочь.

— Ты вчера встала в шесть. У тебя законный выходной.

Он улыбнулся и пошел по лестнице. На третьей ступени плащ зацепился поясом за выступающий шуруп. Матвей остановился, аккуратно высвободил его, как будто вещь могла обидеться, и продолжил подниматься.

Ника повесила пальто. В прихожей пахло кофе и старой обувной кожей. За дверью кто-то собирал пустые бутылки в ящик; стекло звякало будто свадьба закончилась много дней назад.

Вчера она стала Никой Бережной. Так было записано в свидетельстве о браке; паспорт еще предстояло поменять. До вчерашнего дня она тридцать два года прожила Беловой, и новая фамилия еще не успела присвоить ни одной вещи. Даже на подарочных конвертах гости писали «Нике и Матвею», избегая общего обращения.

Свадьбу в Калининградской области сыграли под дождем: двадцать три гостя, сад с мокрыми яблонями, лампочки над столом. Даже Людмила Павловна, мать Матвея, под конец вечера перестала следить, кто кому налил. На фотографиях дом казался теплым и открытым. Внутри его двери по-прежнему закрывались без Никиного участия.

Теперь, утром восемнадцатого октября, ей неожиданно понадобилось право повесить собственное пальто.

Матвей вернулся без вещей и поставил перед ней чашку с кофе.

— Плохо спала?

— Нормально.

— Подушка не та?

— Та.

— Ты так говоришь, будто я тебя допрашиваю.

— Просто непривычно.

Он присел на край банкетки. За его спиной уходила наверх лестница с темными столбами. Ника больше года восстанавливала здесь окна, перила и дверь на террасу. Знала древесину по рубцам и старым вставкам, но прежде приезжала с чемоданом инструментов и вечером возвращалась в Петербург. Теперь чемодан стоял в котельной, а съемную квартиру она сдала еще в сентябре. У среднего столба лестницы желтела крошечная латунная головка. Раньше она была темнее — или ее здесь вообще не было? Ника собиралась проверить при дневном свете.

— Слушай, — сказал Матвей, — я могу все переставить. Только скажи, что тебе неудобно.

Ника посмотрела на пустую штангу.

— Поживем. Я разберусь.

— Договорились.

Матвей поцеловал ее в висок и ушел выключать плиту. В его «договорились» не было ничего подозрительного. Именно поэтому Ника не стала объяснять, что плащ первой жены мог бы лежать не в их спальне и не в прихожей, а где-нибудь, где ему полагалось лежать после двух лет отсутствия хозяйки.

Вера погибла в море. Так все говорили.

Тела не нашли.

Ника знала эту историю еще до того, как Матвей впервые взял ее за руку. В начале знакомства он сказал: «Я вдовец», — а через несколько недель, когда стало понятно, что между ними будет нечто большее, объяснил обстоятельства. В ноябре, в шторм, Вера ушла к берегу одна. Нашли плащ и телефон. Искали несколько дней. Потом еще приезжали, спрашивали, уточняли. Гораздо позже суд признал ее умершей. Матвей рассказывал без пауз, но когда дошел до судебного решения, встал налить воды, хотя его стакан был полон.

Ника тогда не стала расспрашивать.

Не из деликатности. Она хотела стать той, с кем можно начать заново, не обходя по кругу старые комнаты.

На кухне Матвей разложил завтрак по тарелкам и стал вспоминать, кто из гостей забыл вещи. Говорил легко, будто Ника всегда сидела за этим столом. Она смотрела на его телефон, лежавший экраном вниз рядом с чашкой: Матвей перевернул его, едва на экране вспыхнуло имя Бориса.

За завтраком он спросил:

— Тебе срочно нужно на работу?

— Мне срочно нужно в котельную.

— Серьезно?

— Там мой инструмент. Я хотела посмотреть нижний переплет в кабинете. Вчера окно не закрывалось.

— Ты вышла за меня, чтобы наконец доделать все окна?

— Сколько ты мне за это заплатишь?

— Семейная скидка.

— Это я должна тебе дать скидку?

Он рассмеялся, и она тоже. На секунду дом стал их общим — со своей шуткой на двоих.

После завтрака они вынесли во двор коробки. За забором женщина в синей куртке выгуливала собаку. Она поздоровалась с Матвеем и осмотрела Нику от ботинок до волос.

— Значит, все-таки поженились.

— Вчера, — ответил Матвей.

— Поздравляю. Ладно, живите.

Собака потянула поводок, и женщина пошла дальше. Ника ожидала от этих слов обычной соседской неловкости, но в «все-таки» услышала что-то лишнее.

— Кто это?

— Зоя Ивановна. Через два дома. У нее всегда все «все-таки».

— Она была против?

— Она вообще против чужих решений.

У контейнера Матвей остановил Нику, когда она хотела выбросить пустую плетеную корзину: пригодится для дров. Он умел сохранять вещи. Ника не могла отделаться от мысли, что в этом доме сохраняли и то, о чем предпочитали не говорить.

К полудню Ника убрала остатки праздника и нашла под телевизором свадебное фото в бумажной рамке. Матвей смотрел в объектив, Ника — на него; позади через стекло двери виднелась лестница. На среднем столбе блестела новая латунная шпилька: без патины, с тонким светлым следом у шлица и не в прежнем отверстии. Она узнала этот столб сразу — собственную работу Ника помнила лучше чужих лиц.

Свежий металл выдавал чужое вмешательство. Кто-то вскрывал или укреплял столб уже после того, как она закончила реставрацию.

— Кто трогал лестницу? — спросила Ника.

Матвей подошел из гостиной с охапкой салфеток.

— В каком смысле?

Она показала пальцем на отражение.

— Вот тут шпилька новая.

Он придвинул фотографию к свету.

— Наверное, Павел. Или кто-то до него. Честно говоря, не знаю.

— Я там все фиксировала, когда делала смету. Этого крепления не было.

— Ну так теперь есть. Может, ступень скрипела.

— Там не ступень.

Матвей посмотрел на нее с терпением человека, для которого разница между ступенью и столбом не стоит воскресного разговора.

— Хочешь, спросим Павла?

— Потом.

Они вернули фотографию под телевизор. Ника не думала о тайниках. Свежий металл означал лишь то, что кто-то работал на ее участке без ее ведома. Это раздражало — почти как чужая кисть, вымытая в ее растворителе.

Вечером Матвей ушел в кабинет разбирать срочную почту. Стеклянная дверь оставалась приоткрытой. Ника прошла по коридору и услышала, как он сказал кому-то по телефону:

— На понедельник не ставь. Нет, в воскресенье тоже. Я женился, Борис, если ты забыл.

Он выслушал ответ и засмеялся без веселья.

— Бумаги никуда не денутся.

Ника пошла на кухню, хотя собиралась в ванную. На холодильнике магнитом был прижат список покупок: соль, фильтры для воды, корм для соседского кота. Почерк мелкий, прямой, на слове «фильтры» буквы будто прижались одна к другой. Ника не знала, чей это список, и впервые с утра решила не спрашивать.

Она сняла его с холодильника и положила в ящик с пакетами, чтобы освободить место для своего свадебного снимка. Потом подумала, что это глупо, достала обратно и вернула под магнит. Снимок поставила рядом, прислонив к банке варенья.

Так закончился первый день брака.

В понедельник, девятнадцатого октября, Матвей встал в половине седьмого. Ника проснулась от тихого скрипа комода: он вынимал носки, стараясь не разбудить ее.

— Можешь не красться, — сказала она.

— Я думал, ты спишь.

— Уже нет.

— Тогда пользуйся случаем. Кофе за мной.

На кухне ждал тост с сыром, разрезанный на два треугольника. Она не любила, когда хлеб делили пополам. Мелочь, о которой он пока не мог знать. Матвей проверил телефон, положил его экраном вниз и заговорил о неправильно выставленном откосе на объекте.

— Поедешь со мной? — предложил он. — Там деревянная дверь. Посмотришь заодно, сколько взять за реставрацию.

— Сегодня хочу заняться своим.

— Конечно. Я не навязываюсь.

В Петербурге оставались незакрытые отчеты и сайт мастерской, которой больше не существовало. За лето в Калининграде у нее появился лишь один заказчик не от Матвея. Остальные приходили через его фирму, и Ника все чаще ловила себя на том, что ждет его разрешения даже там, где раньше просто работала.

Он заметил, что она смотрит в пустую чашку.

— Давай я позвоню ребятам, пусть принесут тебе нормальный стол.

— Стол есть.

— На нем у меня принтер.

— Я его сдвину.

— Зачем тебе самой таскать технику?

— Потому что мне нужен стол сегодня, а не после того, как твои ребята найдут время.

Он кивнул. Пожелал ей хорошего дня, поцеловал и ушел. Ворота открылись с коротким механическим гудением, машина задним ходом выехала на узкую улицу. Через минуту заскрипел тормоз соседского автобуса. Дом затих.

Оставшись одна, Ника обошла дом с блокнотом — привычка реставратора сначала видеть устройство, потом браться за инструмент. На странице она написала: «Чтобы было удобно». В прихожей нужно было освободить полку, в кабинете — место для работы. Возле двери на террасу она вдруг заметила свежую полоску светлого дерева у запорной планки. След тонкой отвертки: кто-то недавно снимал фурнитуру. Она провела по нему ногтем и закрыла блокнот. О ремонте двери Матвей ничего не говорил.

В прихожей требовалось освободить полку для ее обуви. В ванной — переставить лекарства, которых она не принимала. В спальне — снять с дверцы шкафа тонкую проволочную вешалку; на ней висело темно-синее платье в прозрачном чехле. Ника отодвинула чехол двумя пальцами. На ярлыке химчистки значилось «Бережная В. А.». Дата была двухлетней давности.

Выбрасывать платье нельзя. Убирать в коробку без спроса — тоже. Ника вернула чехол на место и села на край кровати. Само по себе платье ничем не мешало. Мешала необходимость найти вежливые слова, чтобы попросить убрать его.

Она открыла окно, проветрила, закрыла. На стекле остался след пальца. Вместе с мыслью о платье вернулся утренний вопрос: где ее рабочий стол?

Кабинет был в задней части дома. Матвей называл его кабинетом, но среди бумаг там помещались катушки кабеля, коробка светодиодных светильников, угольник и две упаковки саморезов. Все это говорило о человеке, который не отрывает работу от жизни. У окна стоял стол из дубового шпона; на столе — монитор, принтер, пластиковые лотки. Нижний ящик закрывался хуже остальных, немного цеплял край столешницы.

Ника осторожно выдвинула верхний, отыскала свободную розетку, передвинула принтер на тумбу. В нижний не полезла. Он был набит бумагами, и малейшее движение могло сбить порядок. В этой комнате хозяином Матвей оставался даже после того, как предложил ей «располагаться как дома».

У окна она провела пальцем по окрашенной раме. Вчера створка не закрывалась из-за ослабленного ответного крепления. Работа на двадцать минут, если винт возьмется за целое дерево, и на два часа, если внутри труха. Ника принесла из котельной набор отверток, тонкое сверло, деревянные пробки и клей. Подстелила газету.

Когда она вынула старый винт, из отверстия посыпалась пыль цвета корицы. Дерево под краской оказалось рыхлым; значит, крепление уже переставляли. Ника подобрала пробку по направлению волокон, смазала ее клеем и аккуратно утопила. Оставалось подождать. За это она любила дерево: если оно сопротивлялось, то по-настоящему.

В середине дня приехала доставка. Парень в дождевике принес две тяжелые коробки с посудой, которой они не заказывали. На наклейке стоял адрес дома, получатель — «Бережная Вера Андреевна».

— Ошибка, — сказала Ника.

Курьер заглянул в телефон.

— Оплачено.

— Это старый заказ.

— Мне обратно везти?

Ника позвонила по номеру магазина. После музыки и нескольких переключений выяснилось, что заказ оформлен через корпоративный аккаунт еще до праздников, а дату доставки меняли трижды. Никто не смог объяснить, почему он приехал именно сегодня. Девушка на линии предложила принять коробки, а потом написать заявление на возврат.

Ника поставила подпись как «Белова». Курьер даже не обратил внимания.

Внутри оказались белые тарелки и блюдца с тонкой темной полосой по краю, слишком обычные, чтобы что-то рассказать о хозяйке. Но на дне одной коробки лежал чек, отпечатанный почти два года назад. Напротив поля «комментарий» было написано: «Без подарочной упаковки. Для дома».

Ника не стала звонить Матвею. Посуда могла быть заказана кем угодно, в том числе его матерью. Она отнесла коробки в кладовую, а потом вернулась и переставила их так, чтобы крышки не были видны из коридора.

Вечером Матвей вернулся с булочками и двумя мокрыми пакетами. Один пакет разорвался на пороге, яблоки покатились по полу. Он чертыхнулся, Ника поймала яблоко носком тапка и вспомнила свадебные фото: в них все было чисто и расставлено ровно.

— У тебя посылка, — сказала она.

— Какая?

— Тарелки. На Веру.

Матвей застыл, держа второе яблоко.

— Серьезно?

— Угу. Старая оплата, как мне объяснили.

Он попросил показать. В кладовой поднял крышку, достал блюдце, повернул в руках.

— Помню эти. Мы хотели заменить старый сервиз. Потом как-то не дошло.

Он поставил блюдце обратно. Ника ждала, не предложит ли он оставить посуду им. Матвей сказал:

— Надо узнать, можно ли вернуть деньги.

Ее вдруг обрадовало слово «вернуть». Вместо новой жизни со старой посудой — обычный возврат в магазин.

— Я уже узнала. Пишется заявление.

— Сделаю завтра.

Матвей прикрыл коробку и ушел мыть руки. Завтра он действительно написал в магазин. Но коробки остались в кладовой на всю неделю: сначала не приехал водитель, затем переносился забор, затем никто не нашел номер заявки. Ника старалась о них не думать.

В среду приехала Людмила Павловна.

Она предупредила за двадцать минут и появилась с двумя контейнерами пирожков, банкой брусничного варенья и зонтом, который действительно забыла после свадьбы. Женщина

была небольшого роста, ходила быстро и говорила тихо, поэтому ее просьбы редко звучали как просьбы: пока собеседник решал, соглашаться ли, Людмила уже ставила контейнеры на стол.

— Я буквально на десять минут. У меня дальше аптечный пункт.

— Может, чай? — предложила Ника.

— Если готов, попью. Специально для меня не кипяти.

Вода в чайнике была холодная. Ника включила его, чувствуя, что любая реакция сейчас будет либо чрезмерной услужливостью, либо демонстрацией самостоятельности. Людмила развернула пакет с выпечкой.

— Матвей любит с капустой. Вера делала с картошкой. У меня с капустой лучше.

Выпечка лежала на салфетке, одинаковая, с защипами на одном боку. Ника спросила, чем Людмила смазывает пирожки. Женщина охотно объяснила про желток и ложку молока, затем рассказала, что после выхода на пенсию наконец перестала бояться дрожжевого теста. Половину жизни она заведовала библиотекой, где каждый январь приходилось подписывать акты на списание книг. Теперь могла спокойно выбрасывать собственные газеты и считала это маленьким счастьем.

Поначалу им было легко. Ника любила тех, кто умел говорить о работе без жалоб на судьбу, а Людмила внимательно слушала, как восстанавливают старую столярку. О прежней хозяйке дома Людмила не заговаривала. Однако взгляд ее все время возвращался к полке, на которой Ника поставила металлические корзины.

— Ты переставила ключи?

— Немного. Если мешает, верну.

— Нет, что ты. Просто Вера всегда говорила: не клади вещи туда, где они красиво смотрятся. Клади туда, где найдешь в темноте.

Ника улыбнулась.

— Полезный принцип.

— Она вообще записки оставляла смешные. Без «дорогой» и без «пожалуйста». Просто: «Не забудь открыть окно». А кому — угадай сам.

Людмила прикрыла банку варенья крышкой и замолчала. Похоже, сама удивилась, что произнесла имя.

— Извините, — сказала она.

— Не за что.

— Вы не обязаны слушать про Веру.

— Она здесь жила. Невозможно говорить о доме и ни разу не произнести ее имя.

Людмила посмотрела на Нику долгим, оценивающим взглядом, затем чуть заметно кивнула.

— Хорошо сказала. Только не заставляй себя быть великодушной. Это утомляет.

Она встала, сама убрала чашку в мойку и достала из сумки маленький сверток.

— Матвей просил отдать ему. Забыл у меня на прошлой неделе.

Сверток был завернут в плотный конверт, на углу проступала синяя печать. Людмила положила его возле кофемашины, не назвав содержимого. Ника не взяла его в руки. На конверте было видно только «Бережному М. П.» и фрагмент слова «районный».

Людмила ушла через сорок минут, извинившись за то, что задержалась. Ника убрала пирожки в контейнеры и передвинула конверт на край полки, подальше от воды.

Матвей вернулся раньше обычного и сразу заметил сверток.

— Мама привезла?

— Да. Что это?

— Бумаги по старому делу.

Он сунул конверт под пачку строительных накладных. Ника видела движение; ей не было видно, что написано на листах.

— По тому самому? — уточнила она.

Матвей обернулся.

— Какому?

— Про Веру.

Он положил ладонь на край столешницы.

— Да. Оставшиеся копии. Мама у себя хранила.

Ника кивнула. Ее немного задело, что он ответил только после второго вопроса.

— Тебе когда-нибудь придется с ними разбираться? — спросила она.

— Надеюсь, нет.

— Странный ответ.

— Ника, там все уже решено. Просто некоторые бумаги люди почему-то хранят годами.

Он говорил сухо, и Ника заметила, как осторожно он выбирает настоящее время: «решено», «хранят». Вдруг ей захотелось сказать, что в шкафу тоже много вещей, которые хранят годами. Но она не могла придумать фразу, которая не прозвучала бы как обвинение в том, что Матвей не забыл умершую жену.

— Ладно, — ответила она. — Ты будешь ужинать?

— Конечно. Я голодный.

За ужином Матвей смешно передразнивал заказчика, перепутавшего погонные метры с квадратными. Ника улыбалась, но взгляд возвращался к конверту под строительными накладными.

Вечером Ника записала размеры полок, чтобы прикинуть коробки для чужих вещей, потом смяла лист. Ночью спустилась за водой, достала его из корзины и разгладила. За окном ударила калитка; на датчике ворот мигнула желтая точка. Двор был пуст.

Она выбросила бумагу в корзину под столом, а ночью спустилась за водой и достала. Разгладила на столешнице. Размеры пригодятся в любом случае.

За окном глухо ударила калитка. Ника подошла к стеклу. Двор был пуст; на датчике ворот мигала желтая точка. Она прикрыла кухонное окно и поднялась в спальню.

Матвей спал, положив руку поверх одеяла. Ника прислушалась к дому. За дверью все стихло, но ей потребовалось время, чтобы лечь.

В четверг, двадцать второго октября, они впервые поссорились всерьез, хотя оба до вечера считали, что просто разговаривают о ремонте.

Утром Ника нашла на подоконнике кабинета свежую царапину. Ее работа с окном еще не закончилась — пробка высохла, требовалось завернуть новый винт и подогнать ответную планку. Но кто-то уже пробовал силой закрывать створку. На краске остался тонкий полумесяц, под которым темнело дерево.

Она позвонила Матвею.

— Ты вчера закрывал окно в кабинете?

— Не помню. Наверное.

— Я же просила его не трогать.

— Ты просила? Когда?

— В понедельник сказала, что там клей сохнет.

— Я не трогал твой клей.

— Створку кто-то тянул на себя.

— Может, сквозняк.

— Сквозняк отверткой работает?

Матвей помолчал.

— Мне сейчас неудобно говорить. У нас люди на объекте стоят.

— Я понимаю.

— Давай вечером.

Вечером Матвей привез новый комплект фурнитуры, купленный без нее. Положил на стол два блестящих пакета — неподходящий размер.

— Вот. Чтобы не спорить из-за железки.

Ника посмотрела на фурнитуру. Это был неподходящий размер.

— Я не из-за железки.

— Так я понял. Я просто хотел помочь.

— Ты хотел, чтобы проблема исчезла до того, как мы обсудим, что произошло.

Он снял куртку.

— Что произошло? Я закрыл окно. Возможно, неудачно. Можно мне признаться в этом без расследования?

— Можно. Но не надо покупать другое крепление, когда уже есть нужное.

Матвей уставился на пакет, словно только сейчас увидел его цену.

— И правда, виноват. Не знал, что у нас такой строгий протокол.

Она хотела ответить остро. Вместо этого открыла пакет и показала ему отверстия.

— Смотри. У тебя крепление на четыре шурупа, а здесь два. Если просто поставить это, придется сверлить новое. Старые отверстия никуда не денутся. Через год ты заметишь, что рама вся в дырках, и скажешь, что дом плохо отреставрировали.

— Я не скажу.

— Ты уже сказал Павлу про лестницу, что там кто-то что-то плохо делал.

— Я говорил про ступень, Ника. Не про твою работу.

Он устало провел рукой по лицу.

Между ними лежала фурнитура дешевле тысячи рублей. Она говорила о незаметном вмешательстве в чужую работу, он — о желании помочь. С каждой репликой расстояние между ними становилось больше.

— Давай поужинаем, — предложила она.

— Давай.

Он взял пакеты и собирался убрать в ящик с инструментами, но остановился.

— Слушай. Мне правда не нравится, когда ты говоришь со мной, как с заказчиком.

Ника закрыла кухонный шкаф.

— А мне не нравится, когда ты решаешь, что моя работа — это железка.

В этот раз Матвей кивнул без улыбки. Они разогрели вчерашний суп, поели, не обсуждая окно. Позже он сам принес пакет с неподходящей фурнитурой и спросил, можно ли вернуть. Ника сказала, что чек сохранился. Обошлось без обещаний. Матвей сел рядом и спросил, чем ей помочь завтра, если спросить заранее.

— Ничем, — ответила она. — Просто не трогай окно, пока я не скажу.

— Это я могу.

Она ему верила. И оттого не могла объяснить себе, почему все чаще прислушивается к шагам за дверью.

Двадцать четвертого октября, в субботу, Ника проснулась первой. До рассвета дождь прекратился. За окнами сохли ветки яблони, редкие листья прилипли к дорожке. Матвей спал, спрятав подбородок под край одеяла. Вчера он пообещал, что весь день принадлежит ей, а сегодня с утра им надо было купить лампу для рабочего стола.

Ника сделала кофе, вынесла пакет с мусором и наконец решилась подняться в кладовую на втором этаже, куда Матвей отнес чужой плащ. Она не собиралась ничего трогать. Просто хотела понять, сколько там места, прежде чем предложить заказать коробки для сезонной одежды.

Кладовая была узкой, под скатом крыши. Стояли лыжи без креплений, пластиковая елка в порванном чехле, старый вентилятор и два чемодана. Плащ лежал на чемодане, ветровка под ним. Матвей не повесил их, как она предполагала. Перенес с одного места на другое и оставил.

Ника подняла плащ, чтобы достать рулетку, упавшую за чемодан, и из кармана выскользнула прямоугольная пластиковая карточка. Не проездной. Карта покупателя хозяйственного магазина. На обороте шариковой ручкой были записаны три размера: 42, 18, 6.

Ника вернула карточку в карман и застегнула пуговицу. Три размера она запомнила: 42, 18, 6. В понедельник можно будет предложить Матвею разобрать кладовую вместе.

Внизу зазвонил телефон. Ника спустилась, ожидая звонка из магазина светильников. На экране было уведомление о доставке продуктов. Она убрала пакеты в холодильник, достала полотенце для рук, прошла в кабинет.

Окно держалось отлично. Зато на полу рядом со столом лежал маленький белый обрезок бумаги. Ника подняла его двумя пальцами. Он был совершенно чистый с одной стороны, с другой оставалась половина синей цифры. Не чек и не ярлык: плотная офисная бумага, ровно отрезанная, а не оторванная. Вчера, когда она убирала после ремонта, здесь было пусто.

Ника присела. Нижний ящик стоял криво, а из щели выглядывал угол белого листа. Бумагу задвинули недавно и торопливо; вокруг оставались прежние потертые ручки и темный лак.

Ника не стала выдвигать ящик. Она положила обрезок на стол, чтобы вечером спросить Матвея, не искал ли он какие-то бумаги. Потом подумала, что вопрос прозвучит как продолжение четверговой ссоры, и убрала обрезок в собственный блокнот. Просто не хотела, чтобы бумажку сдуло сквозняком.

Сверху послышались шаги.

— Ника? — позвал Матвей.

— В кабинете.

— Ты чайник включала?

— Кофе сварила.

— А я хотел тебя удивить.

— Поздно проснулся для сюрпризов.

Он что-то ответил с лестницы, но последние слова пропали за шумом воды. Ника обернулась к открытому окну. В саду дятел стучал по мокрому стволу; по дороге проехал грузовик. Она подумала о лампе, о коробках, о том, что вечером они наконец могут разобрать верхние полки.

Телефон на краю стола коротко завибрировал.

Пришло обычное SMS с неизвестного номера +7. Ника открыла его у починенного окна.

«Не открывай нижний ящик его стола».

Она прочитала еще раз. Время отправки — 10:47, суббота, двадцать четвертое октября. Рядом с ее рукой за кромкой стола белел уголок листа, который она решила не трогать.

— Ника, — позвал Матвей уже из коридора. — Ты где?

Она смотрела на сообщение.

— Здесь, — ответила она.

И впервые за неделю решила ничего ему не показывать.

Глава 2. Запрет

Ника не стала прятать телефон, когда Матвей вошел. Сунуть его в карман было бы гораздо проще.

Он остановился в дверях кабинета, держа в руках две чашки. Одна — ее, белая, с синим ободком, купленная в день переезда. Вторая — черная, со сколом возле ручки. Матвей всегда пил из нее кофе, хотя у него было несколько новых кружек.

— Ты зачем так рано за работу взялась? — спросил он.

— Окно проверяла.

— Проверила?

— Да. Теперь закрывается.

Он протянул чашку. Ника взяла ее и только потом погасила экран. Пять слов заставили ее задуматься, стоит ли показывать мужу телефон.

— Матвей, мне сообщение пришло.

— От кого?

— Не знаю. Номер незнакомый.

Он отпил кофе и посмотрел на телефон, но к ней не подошел.

— Рекламное?

— Нет.

Ника разбудила экран и повернула телефон к нему. Матвей поставил чашку на подоконник, прочитал. Лицо его почти не изменилось. Лишь губы сжались на мгновение, будто он обжегся кофе.

— Ну и что это? — спросил он.

— Я надеялась, ты скажешь.

— Кто-то дурачится.

— Кто знает про твой нижний ящик?

Он взглянул на стол. В щели оставался угол белой бумаги; от двери его можно было заметить, лишь наклонившись. Матвей не наклонился.

— Любой, кто тут бывал. Стол не секретный.

— А мой номер?

— Ника, у тебя он в заявках, на сайте. Ты сама говорила, что половина клиентов звонит не по делу.

На сайте реставрационной мастерской стоял ее личный номер; его давно растащили агрегаторы. Ей звонили продавцы оконных профилей, владельцы квартир с вопросом, можно ли старую дверь покрасить валиком, мужчина, который два раза предлагал купить веранду в разобранном виде. Ее номер найти было просто. Но кто знал про ящик?

— Ты бы открыл? — спросила она.

— Что?

— Ящик. Если бы тебе такое написали.

Матвей подвинул чашку подальше от края подоконника.

— Я бы сначала понял, кому понадобилось меня разыгрывать.

— То есть открыл бы.

— Он здесь каждый день открывается. Там документы.

— Значит, можно посмотреть?

Наконец он посмотрел ей в лицо.

— Ты сейчас серьезно?

— Я спрашиваю.

— Ника, у меня в кабинете счета компании. Чужие паспортные данные, банковские реквизиты, договоры. Не надо их листать только потому, что кто-то прислал тебе глупость.

Она кивнула. Обычно Матвей не делил дом на свое и ее. Он мог попросить принести папку из машины или отправить со своего ноутбука письмо мастеру. Дверь кабинета оставалась незапертой. Теперь граница появилась.

— Я поняла.

— Давай удалим, и все.

— Зачем?

— Ну чтобы не висело перед глазами.

— Удалить я всегда успею.

Матвей снова поднял чашку.

— Хорошо. Как хочешь.

Он не спросил, в котором часу сообщение пришло. Не попросил номер. И ни разу не спросил, открыла ли она ящик. Это дошло до Ники уже после его ухода.

На кухне загудела вытяжка. Матвей занялся завтраком так спокойно, словно сообщение было случайной рекламой. Но он даже не спросил, открывала ли Ника ящик.

Ника сохранила SMS целиком, с номером и временем. За дверью звякнула сковорода. Она еще раз посмотрела на щель нижнего ящика: белый уголок бумаги торчал на прежнем месте.

Отправитель знал, куда смотреть. Ника — еще нет.

С кухни Матвей позвал ее завтракать. Она вышла из кабинета и прикрыла дверь. Не до конца: у двери был рассохшийся притвор, и она останавливалась в сантиметре от коробки, если не прижать ручкой. Ника отметила это автоматически. После стольких лет с дверями такое трудно не заметить.

За столом Матвей говорил о покупке лампы. Выяснилось, что хорошей настольной в ближайшем магазине нет, придется ехать в Калининград. Он предложил по дороге забрать из печати фотографии со свадьбы. А потом, если останется время, заехать к его матери: та просила помочь с полкой в кладовой.

— Мы вчера вроде хотели провести день вдвоем, — напомнила Ника.

— Вот и проведем. Вместе поедем.

— К твоей маме с отверткой?

— Необязательно. Можно только за лампой.

Он не обиделся — оставил решение ей. Ника взяла вилку и стала делить омлет, хотя есть по-прежнему не хотелось.

— А кто мог написать, кроме случайного человека? — спросила она.

Матвей не сразу понял, о чем речь.

— Ты опять про SMS?

— Не опять. Мы его еще не обсудили.

— Есть люди, которым не нравится, когда другим хорошо.

— У тебя есть такие люди?

— У любого есть.

— Конкретно?

— Заказчики, которым я не угодил. Работники, с которыми расстались. Всякая ерунда.

— А какая им разница, кому писать? Почему мне?

Матвей положил вилку.

— Ты моя жена. Это уже причина для некоторых.

Она хотела спросить, для кого именно, но он добавил:

— Только не начинай искать врагов на второй неделе брака. Мы никуда не торопимся. Если повторится, будем разбираться.

На мгновение ей стало спокойнее: хотя бы появился план. Потом Матвей снова взял вилку. Ника поняла, что плана нет. Он предложил ждать — а ждать придется ей.

Около трех они вернулись домой. Ника поставила лампу на свой конец стола в кабинете, пока Матвей развешивал куртки и относил покупки. Новый свет не освещал нижний ящик — верхний край стола оставлял его в тени. Можно было делать вид, будто ящика не существует.

Через полчаса Матвей сказал, что ему все-таки придется заехать к матери.

— Ты же обещал не работать, — напомнила она.

— Это не работа. Там полка обвалилась. Я один раз приеду, поправлю. Можешь со мной.

— Нет. Я хочу дописать отчет.

Он стоял в дверях кабинета с ключами в руке. Ника заметила, что взгляд его прошел по столу, остановился на новой лампе и соскользнул вниз. Может, проверял бумаги. А может, просто рассматривал лампу.

— Хорошая штука, — сказал он.

— Да.

— На час, максимум полтора.

— Не торопись. Позвони, если задержишься.

— Позвоню.

Он подошел, коснулся ее плеча. Ника подняла лицо, они поцеловались. Обычный поцелуй перед короткой разлукой. Оттого задуманное казалось еще хуже.

Когда машина скрылась за воротами, Ника заперла кабинетную дверь, прижав рассохшийся притвор до щелчка. На дисплее телефона было 15:42. Матвей обещал вернуться через час. До его возвращения она должна была успеть не только посмотреть бумаги, но и восстановить их порядок.

Она положила ключи от кабинета рядом с телефоном. Машинально проверила, слышен ли с улицы звук подъезжающего автомобиля. Слышен. Но от ворот до входной двери Матвею хватило бы десяти секунд.

Ника подошла к нижнему ящику.

За ручку еще можно было не браться. За ней начиналось то, о чем Матвей попросил прямо: не листать документы. На лестнице за дверью тихо щелкнула древесина, и она обернулась. Дом пустовал.

Она посмотрела на часы. Минуты шли.

Палец зацепил деревянную ручку. Ника заранее открыла камеру телефона: положение каждой папки придется восстановить точно.

Она потянула ручку.

Ящик выдвинулся на пять сантиметров и остановился. Ника ощутила сопротивление не замка, а дерева. Нижняя направляющая шла чуть под углом. Она приподняла фасад, одновременно потянула на себя, и ящик с сухим звуком сдвинулся до конца.

Внутри лежали папки, сложенные без явной системы. Серые, зеленые, одна красная с порванным клапаном. На дне — несколько счетов, лист с таблицей и прозрачный конверт для документов, угол которого застрял под направляющей. Именно он, видимо, не давал ящику закрыться ровно.

Ника сфотографировала ящик до того, как сдвинула первую папку. За окном просигналила машина. Она замерла, прислушалась — звук удалился к перекрестку.

Она уже могла закрыть ящик. Вместо этого поддел прозрачный конверт.

Вместо этого вытянула прозрачный конверт.

Под ним оказался лист с банковскими реквизитами и таблица, где в одной колонке значились адреса, в другой суммы. Некоторые строки были перечеркнуты, возле двух стояло «перенести». Все выглядело как обычная бухгалтерия небольшой строительной фирмы, только

большинство сумм были существенно больше тех, что Ника привыкла видеть в собственных договорах.

Она не стала снимать реквизиты крупным планом. Переложила конверт на стол, прижав его пустой чашкой, и приподняла зеленую папку.

«Бережной В. А.» — стояло на верхнем листе.

Фамилия совпадала с именем на ярлыке синего платья. Ника машинально потянулась к папке, потом задержала руку. Этого она, кажется, и боялась: снова встретить имя женщины, чье присутствие не исчезло из дома.

В зеленой папке были копии паспортных страниц с закрытыми в нескольких местах данными, два старых договора подряда, накладная и соглашение на трех листах. Скрепки не было. Возле верхнего левого угла отпечаталась ее форма: две узкие вмятины, соединенные полукругом. На первом листе почти незаметная ржавая точка. Бумаги долго держались вместе. Теперь лежали россыпью.

Ника читала медленно, не притворяясь, что разбирается в юридических формулировках. Соглашение касалось расчетов по реконструкции одного из объектов фирмы Матвея, с несколькими упоминаниями о предоставлении документов и подтверждении стоимости работ. Фамилия Веры стояла не только в шапке: напротив одной строки была подпись, которую Ника не могла ни опознать, ни проверить. Внизу последнего листа — дата.

Она перевела взгляд на первый лист.

Даты отличались.

В шапке значилось «15 марта 2024 года», ниже — «составлено 18 марта 2024 года». В пункте о вступлении в силу стояло «с момента подписания сторонами 15 марта», а под подписью от руки — «18.03.2024». Ника сфотографировала обе даты, оставив в кадре соседние строки.

Ника прочитала весь абзац повторно.

Ей, реставратору, было знакомо ощущение несовпадения детали с чертежом. Но здесь кто-то мог переделать не дерево, а текст.

Она сняла все три страницы по порядку и проверила, что на снимках читаются номера.

На втором листе возле нижнего края стояла цифра «4». На первом — «3». На последнем — «5».

Листы шли под номерами 3, 4 и 5, хотя начинались с заголовка соглашения. Первых двух в папке не было.

Она записала: «Зеленая папка. Соглашение 15/18 марта. Листы 3–5. Скрепку сняли».

Ника зачеркнула слово «сняли» в блокноте. Написала точнее: «Скрепки нет, след остался».

Сверху, у окна, щелкнула ветка. Ника убрала блокнот подальше от края стола.

В прозрачном конверте лежали счета за материалы. Два счета были датированы летом, третий — началом октября. Бумага белее остальной, с четкими черными полосками от принтера. Один край был согнут втрое. Ника потянула лист и увидела, что конверт зажат не случайно: над ним, между задней стенкой ящика и днищем, застрял еще один тонкий уголок. Тот самый, который торчал из щели.

Она вытянула его, не разрывая. Оказалась пустая оборотная сторона страницы, на лицевой — кусок таблицы с номерами 17, 18, 20 и 21. Девятнадцатого не было. В верхнем углу сохранился обрезанный фрагмент синего штампа, похожий по цвету на половину цифры в ее блокноте.

Синий фрагмент напоминал обрезок из ее блокнота, но края не сходились. Ника оставила обе бумаги на столе, чтобы запомнить расположение, — и тут телефон зазвонил.

На экране высветилось: «Матвей». Ника едва не опрокинула чашку. Фотография открытого ящика оставалась на телефоне; она поспешно погасила экран, хотя муж не мог ее видеть.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да. Ты уже у мамы?

— Почти. Слушай, она просила купить крепление для полки, а я забыл размеры. Ты не знаешь, где у меня рулетка?

Ника посмотрела на свой набор инструментов под столом. Ее рулетка лежала в боковом кармане чемодана.

— Мою можешь взять, когда вернешься.

— Мне сейчас надо.

— Купи маленькую.

— Какой от нее смысл, если дома три штуки?

На другом конце голос Матвея на секунду отдалился: «Нет, не эту, верхнюю». По звону металла и чужим голосам он, похоже, был в магазине. Ника попыталась представить, сколько ему ехать обратно. Десять минут? Пять?

— Посмотри в верхнем ящике шкафа в прихожей, — сказал он. — Я туда рулетку положил. Ты сейчас где?

У Ники пересохло во рту. Перед ней лежали разложенные документы, а до прихожей нужно было пройти через весь коридор.

— В кабинете. Сейчас найду.

— С желтой наклейкой, — уточнил Матвей. — Старая заедает. И, Ника... ты слышишь?

— Да, слышу. — Она старалась говорить ровно. — Перезвоню.

Связь оборвалась. Матвей мог просто искать рулетку — она и сама вечно просила его помочь с инструментами. Но почему он спросил, где она находится? За окном хлопнула дверца автомобиля. Ника отступила от стола так резко, что ударилась коленом о направляющую. Она не услышала шагов по дорожке и заставила себя вернуться к бумагам. До ближайшего перекрестка от магазина ехать недолго. Если он передумал насчет полки или забыл ключи, ей не хватит времени.

Ника открыла исходный снимок ящика и начала возвращать папки в том же порядке. Зеленая заходила под красную на сантиметр. Прозрачный конверт цеплялся за направляющую; белый уголок снова вылезал из щели. Она попыталась закрыть фасад — сухо хрустнула бумага. Со двора донесся мотор, и за матовым стеклом промелькнул свет фар. Она застыла, считая шаги, которых не было. Конверт не поддавался: угол смялся, оставляя на белой бумаге новую складку. Ника осторожно подхватила его ногтем, разгладила, заправила внутрь и снова приподняла фасад. Ящик наконец вошел на место. Мотор проехал мимо. Она сделала еще один снимок закрытого стола, хотя теперь прекрасно помнила каждый сантиметр.

Она не сразу смогла разжать пальцы. Обрезок, который нашла утром, остался у нее в блокноте.

В прихожей рулетка с желтой наклейкой лежала там, где сказал Матвей. Ника сфотографировала ее и отправила снимок.

«Нашла. Ты ведь уже у мамы?»

«Зашел за крепежом. Спасибо», — ответил он почти сразу. Не спросил, почему она уточняет.

Ника вернула рулетку в ящик. Ее телефон лежал в ладони, будто от него зависело, успеет ли она услышать ворота.

Открытая дверь кабинета отражалась в зеркале прихожей. Новая лампа, принтер, стакан с карандашами. Все выглядело по-прежнему.

Только Ника теперь знала, что именно придется скрывать.

На кухне она поставила перед собой чай, но не притронулась. Ждала сообщения от незнакомца, который словно заранее видел ее в кабинете. Телефон молчал.

После обеда Ника решила проверить номер отправителя.

В поиске по своим контактам его не оказалось. Она сразу открыла облачную папку «Свадьба / Разное»: когда-то Матвей пересылал ей снимки экрана со списком приглашенных.

На первом снимке вверху было имя «Вера» и начало номера. Остальное закрывала шапка приложения.

Ника нашла второй скриншот, сделанный при подготовке рассылки гостям. Там первые цифры перекрывала плашка, зато последние четыре были видны.

Она положила изображения рядом и открыла входящее SMS. По одной части за другой цифры совпадали.

В доме щелкнул термостат. Ника вздрогнула и проверила время.

Последняя цифра совпала тоже.

На обоих снимках значилось имя «Вера». Спросить мужа теперь было страшнее, чем сравнить цифры.

Ника открыла переписку с Матвеем. Набрала вопрос и стерла его, оставив пустую строку. Над телефоном висела тишина, в которой хорошо слышалось тиканье кухонных часов.

Она набрала снова. На этот раз не стала стирать.

«Ты можешь посмотреть, какой номер у тебя сохранен под именем Вера?» — отправила она.

Отправив, почти сразу пожалела. Вопрос был слишком прямой. И слишком поздний, чтобы сделать вид, будто сообщение ее не задело.

Ответ пришел через три минуты.

«Зачем?»

Ника поставила телефон на стол и посмотрела в окно. Дождь опять собирался: птицы исчезли с газона, свет стал плоским.

Она набрала: «Хочу понять, кто написал».

Три точки появились, пропали. Затем Матвей позвонил.

— Ты что, весь день об этом думаешь? — спросил он, без раздражения, но с явной усталостью.

— Не весь.

— Я не понимаю, что даст старый номер.

— Ничего, если не совпадет.

— И если совпадет?

Ника не ответила.

— Слушай, — сказал он, — номера возвращают в продажу. Человек перестал пользоваться, оператор через какое-то время передал другому. Может, кто-то получил старый номер и решил пошутить. Может, вообще все проще. Мы с тобой не знаем.

Объяснение про повторную выдачу номера прозвучало слишком быстро. Ника хотела спросить, откуда у него такая уверенность, но Матвей уже продолжал говорить.

— Посмотри все-таки, — попросила она.

— Я сейчас за рулем.

— Когда приедешь.

— Хорошо. Только не накручивай себя. И не звони на него с моего телефона, ладно?

— Я не просила твой телефон.

— Я знаю. Просто говорю.

Они попрощались. Ника осталась с вопросом, который не задала: почему он говорит о старом номере так, словно уверен, что тот больше никому не принадлежит?

Дома было холоднее, чем утром. Она подняла термостат на половину градуса, прошла мимо кабинета и остановилась перед закрытой дверью. Там оставались бумаги, которые она посмотрела без разрешения. Теперь сомнение перестало быть абстрактным. Она должна была

либо признаться, либо делать вид, что не знает даты соглашения. Молчать было проще. Только теперь ей придется следить за каждым своим словом.

Ника достала из блокнота утренний обрезок с половиной синей цифры. Сравнила с фотографией страницы из ящика на экране. Синий цвет совпадал, но форму разреза установить было невозможно. Она написала на обороте обрезка: «24.10, найден на полу до SMS». Положила в маленький конверт из набора для фотографий, заклеивать не стала.

Утром она выбирала лампу. К вечеру записывала дату на клочке бумаги и прятала его в конверт. Ника вдруг поняла: еще сутки назад она рассмеялась бы над такой осторожностью.

Матвей приехал около шести. Оставил обувь у порога, принес пакет из пекарни и извинился, что задержался: у матери, оказывается, обнаружился еще протекающий кран на кухне. Ника спросила, не нужна ли помощь с сантехникой. Он ответил, что вызвал мастера на понедельник.

— А полку починил?

— Починил.

— Фотографию мне покажешь?

— Ты серьезно?

— Нет, — сказала она. — Шучу.

Матвей поцеловал ее в щеку, пошел мыть руки. Когда вернулся, она напомнила о номере. Он присел к столу, разблокировал телефон и открыл контакты.

— Вера у меня так и осталась, — сказал он. — Я не удалял.

Ника подошла сзади, но не стала наклоняться к экрану без приглашения. Матвей сам повернул телефон.

Номер совпадал.

Цифра за цифрой — номер, с которого утром пришло предупреждение. Ника провела глазами от кода оператора до последней четверки. Проверила еще раз.

— Ну вот, — сказал Матвей.

Он не выглядел удивленным. Может, потому, что еще до проверки предполагал именно это. Он листнул экран вниз, будто хотел найти дату последнего звонка, но передумал и заблокировал телефон.

— И что теперь? — спросила Ника.

— Ничего. Мы узнали, что номер старый.

— Как давно он не действовал?

— Не помню. После... потом он какое-то время был недоступен. Я не проверял.

— Ты звонил?

— Сначала, конечно. Потом перестал.

Ника не стала уточнять, сколько раз. Невозможно было спрашивать об этом так, чтобы разговор не превратился в ревизию чужого горя.

— Ты считаешь, это случайность? — спросила она.

— Я считаю, что надо подождать. Если еще что-то придет, посмотрим.

— А если никто больше не напишет?

— Тогда и хорошо.

Он встал, подошел к холодильнику. Рядом с банкой варенья по-прежнему стоял их свадебный снимок; за неделю банка опустела наполовину. Матвей поправил фотографию, чтобы она не падала. Ника следила за его руками. Почему он даже не удивился? Но он хранил номер в контактах и мог давно его помнить.

— Там написано что-нибудь еще? — спросила она, не вполне понимая, о чем спрашивает.

— Где?

— В старой переписке с Верой.

Матвей обернулся.

— Обычные сообщения. Покупки, работа, где ключи. А что должно быть?

— Ничего.

Он прикрыл дверцу холодильника.

— Ты хочешь их читать?

Она почувствовала, что краснеет.

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она пыталась сравнить манеру письма первой жены с пятью словами сегодняшнего SMS, но вслух это звучало бы как обвинение.

— Просто странно, — сказала она. — Когда пишут с номера умершего человека, странно.

Матвей долго смотрел на нее. Потом взял со стола пакет с хлебом и стал перекладывать булочки на тарелку.

— Да, — сказал он. — Странно.

Больше про номер они в тот вечер не говорили.

Позже, пока Матвей был в душе, Ника еще раз открыла SMS. Она не стала добавлять имя Веры в контакты. Сохраненный номер светился над предупреждением — и теперь за этими цифрами стояло лицо с фотографий. Ей вспомнилось, как Матвей перевернул телефон экраном вниз за завтраком, и как легко он согласился ждать новых сообщений. А ведь отправитель ни разу не назвал себя.

Она подумала, что надо было спросить Матвея: когда в последний раз он видел этот номер действующим? Он сказал, что не помнит. Возможно, ему и вправду не хотелось помнить.

Сообщение оставалось обычным SMS, без профиля и аватара. Ника проверила дату и время.

Она отправила себе на почту полный снимок экрана с темой «24 октября, сообщение», сохранив исходное SMS. Потом закрыла почту и посмотрела на дверь ванной. Там шумела вода. В кабинете лежали бумаги, о которых она мужу не сказала.

Из ванной вышел Матвей, вытирая волосы полотенцем.

— Ты чего не ложишься?

— Уже.

Он лег рядом, положил руку ей на живот. Ника выключила лампу. Телефон остался на тумбе экраном вниз.

— Ника, — сказал Матвей через некоторое время.

— М?

— Ты сегодня в кабинет заходила?

Рука его не двигалась. Вопрос прозвучал почти лениво, как напоминание о вещи, которую забыли купить.

— Заходила, — ответила она. — Лампу поставила.

— Только?

Ника смотрела на узкую полоску света, которая падала из коридора под дверь.

— А что?

— У меня там бумаги лежали не так, как обычно.

— Я передвигала принтер. Могла что-нибудь задеть.

Матвей помолчал.

— Понятно.

Он не повернулся к ней спиной, не потребовал объяснений. Он не рассердился. От этого стало только хуже.

— Ты что-то потерял? — спросила она.

— Нет. Все на месте, наверное.

— Тогда хорошо.

— Угу.

Ей хотелось, чтобы он задал еще один вопрос. Чтобы сказал: «Ты открывала нижний ящик?» Тогда пришлось бы ответить прямо или солгать прямо, без спасительной путаницы между бумагами и принтером. Но он только поправил подушку и пожелал спокойной ночи.

Матвей уснул первым. Ника перебирала в памяти папки: зеленая под красной, прозрачный конверт у направляющей. Если он заметил сдвиг, почему не спросил прямо?

В половине первого за стеной зашумели трубы. Ника спустилась за водой. На кухне свадебная фотография все еще стояла у банки варенья. В темном стекле рамки отражалась полоска света из коридора. Ника повернула снимок лицом к стене — и тут же вернула, испугавшись собственного жеста.

В спальню она вернулась, не допив воды.

В 00:36 телефон завибрировал на тумбе.

Ника взяла его раньше, чем успела подумать, разбудит ли звук Матвея. На экране было новое SMS, с того же номера. Дата уже сменилась: воскресенье, двадцать пятое октября.

«Лист 19. Его нет в ящике».

Ника посмотрела на спящего мужа. О цифрах 17, 18, 20, 21 она никому не рассказывала. Девятнадцатого в таблице не было.

Она снова прочитала сообщение, опустила телефон и впервые поняла, что незнакомый человек не просто знает, что лежит в столе Матвея.

Он знает, чего там больше нет.

Глава 3. Дом с чужой привычкой

Утром в воскресенье Ника увидела в холодильнике подсохшую половину лимона. Еще неделю назад она просто выбросила бы ее. Теперь даже безобидная забытая вещь заставляла спрашивать, кто и когда оставил ее здесь.

Она бросила лимон в ведро. В отражении кухонного окна за ее плечом на мгновение мелькнуло темное пятно. Ника обернулась: за стеклом никого.

Она вымыла руки и только тогда заметила, что все еще прислушивается к двору.

Было восемь утра. За окном соседка в синей куртке втягивала собаку во двор, собака сопротивлялась, упираясь всеми лапами. Матвей спал. Ночью, получив второе сообщение, Ника еще минут двадцать сидела в темноте, вслушиваясь в работу котла. Потом встала, прошла к кабинету, но не открыла дверь. Она ясно помнила холод ручки под ладонью — и как заставила себя уйти.

Теперь ей требовалось решить, что делать с текстом «Лист 19. Его нет в ящике».

Она поставила чайник и достала блокнот. На первом листе уже были размеры полок. На следующем — записи о бумагах из кабинета, которые она делала вчера. Синюю цифру на обрезке она по-прежнему не могла прочитать. Ника перевернула страницу, написала дату и стала перечислять события без объяснений.

Первое сообщение — суббота, 24 октября, 10:47. Обычная SMS. Второе — воскресенье, 25 октября, 00:36. Тот же номер. Вчера Матвей показал контакт «Вера»: цифры совпали. В ящике лежали листы с номерами 17, 18, 20, 21. Кто-то упомянул отсутствующий девятнадцатый.

Ника смотрела на перечень листов: 17, 18, 20, 21. Девятнадцатый могли просто пропустить при нумерации. Но отправитель второго SMS назвал именно его — и написал так, будто уже заглядывал в ящик.

Ответы она записывать не стала.

В дом проник запах жареного хлеба: Матвей встал и включил тостер. Он появился на кухне с заспанным лицом, в серой футболке, которую носил уже несколько лет. Увидел блокнот.

— Рабочий день?

— Пытаюсь закончить отчет.

Отчет действительно ждал в ноутбуке. Только открытую страницу блокнота она прикрыла локтем.

— С воскресеньем поздравляю, — сказал Матвей. — Ты нашла единственное занятие, которое можно делать и в дождь, и в снег.

— Как и ты со своими накладными.

— Это другое. Я не люблю накладные.

Матвей заглянул в сахарницу, где обычно лежал ключ с зеленой биркой.

— Где зеленый ключ?

Ника оторвалась от блокнота.

— Какой?

— С биркой. Тут лежал.

— Он там. Под монетами.

Ника подошла и достала со дна ключ. Матвей на мгновение задержал взгляд на бирке.

— Ага, — сказал Матвей. — Спасибо.

— Что он открывает?

— Не помню. Может, старый гараж.

— Ты вчера говорил, что другой ключ от сарая.

— И что? Гараж и сарай разные вещи.

— У нас есть гараж?

Он рассмеялся, увидев, что она действительно спрашивает.

— Нет. Был арендованный бокс, еще до тебя. Может, от него.

— Тогда зачем хранишь?

— На память о прекрасном боксе без отопления.

Ника улыбнулась его шутке, но Матвей продолжал смотреть на зеленую бирку, словно хотел убедиться, что она не перевернула ее другой стороной.

— У нас много старого барахла. Зимой разберемся.

За завтраком она сказала ему о втором SMS.

Матвей выслушал не перебивая. Потом попросил показать. Вчера он не хотел смотреть еще раз на первое сообщение; сегодня сам взял телефон, прочитал обе строки подряд и вернул.

— То есть кто-то знает, что у меня документы в ящике, — сказал он.

— Ты же говорил, любой знает.

— Я не помню, что там за лист девятнадцать. Может, и нет такого.

— Я тоже не знаю, что за лист.

Формально она не солгала: девятнадцатого листа не видела и даже не знала, существовал ли он. Матвей помешал кофе ложкой, хотя сахар не добавлял.

— Может, стоит написать этому человеку? — предложил он.

— Что?

— Например: кто вы и чего хотите?

— А вчера ты говорил удалить.

— Вчера было одно сообщение. Теперь два.

— Думаешь, отвечать безопаснее?

— Не знаю. Я не специалист по таким людям.

В его голосе не было привычной уверенности. Это успокаивало и одновременно мешало подозревать его в равнодушии.

— Я пока не буду, — решила она.

— Хорошо. Если повторится, можно подумать о полиции.

— А что мы ей покажем? Две SMS?

— Их и покажем. Пусть хотя бы зарегистрируют, если пойдет дальше.

Он встал, чтобы убрать тарелки. Ника хотела спросить, почему во вчерашнем соглашении две даты, но это означало бы рассказать, что она открывала ящик. Вместо этого спросила о другом:

— А что ты помнишь о том ноябре? Когда Вера пропала.

Матвей не сразу повернулся.

— В каком смысле?

— Как все было. Ты мне рассказывал, но не очень подробно.

— Это связано с сообщениями?

— Наверное. Номер ведь ее.

Он поставил тарелку в раковину. Открыл кран, потом закрыл, не успев намочить губку.

— Был шторм. Она ушла вечером. Я тогда не сразу понял, куда. Потом нашли вещи у берега. Искали. Я уже говорил.

— А телефон нашли включенным?

Матвей повернулся к ней.

— Ты хочешь восстановить все по минутам?

— Я хочу понять, откуда этот номер у человека, который пишет мне про твой стол.

— Откуда я знаю? Телефон мог быть у кого угодно, пока его не нашли. А номер теперь вообще может быть чужим. Это разные вещи.

Он сказал последнее почти точно, как Ника сказала бы клиенту, который путал раму и створку. Она признала: разные. Но вопрос остался.

— Хорошо, — ответила она. — Давай пока оставим.

Матвей вытер руки сухим полотенцем, хотя они и так были сухими.

— Ты мне не веришь?

Ника покачала головой.

— Я тебе верю. Я не верю сообщению.

Он еще постоял у мойки, а потом подошел и обнял ее. Ника обняла в ответ. Она хотела остаться в этих объятиях. Но даты из блокнота никуда не делись.

Утром они собирались выехать на рынок за овощами. Но сначала Матвею позвонили с объекта: в одном доме не запускался котел. Он долго объяснял мастеру, где найти запорный кран, потом сказал, что заедет сам.

— На полчаса, — пообещал он.

— Я даже не буду спрашивать, в каких единицах, — ответила Ника.

Он понял шутку, но улыбнулся виновато.

— Поехали со мной? Потом сразу на рынок.

Ника отказалась: ее ждали отчет и уточнение спецификации для петербургского клиента. Домашний интернет работал отлично. Главное — Матвей уезжал, и несколько часов она могла решать сама.

Она открыла расчеты, но цифры расплывались. За окном в мокром гравии хрустнуло так отчетливо, что Ника подняла голову. С улицы ее рабочее место было видно через стекло.

В половине одиннадцатого ей позвонила женщина из дизайн-студии, через которую весной Ника получила первый заказ на дом Бережного. Звали ее Мария, говорила она быстро и всегда начинала с середины темы.

— Ника, добрый день. Вопрос по проему. У нас входная дверь в старом доме, дуб, не сильно разбита. Вы сейчас в области?

— В области. А где объект?

— Под Светлогорском. Я вам отправлю снимки. Если дадите смету сегодня, мы успеем заказчику ответить.

— Могу посмотреть. Только мне нужны размеры и фото нижнего торца, а не только фасада.

— Конечно. Но там предварительно. Вы же с Матвеем работаете, да?

— Иногда. По отдельным договорам.

— Тогда еще проще. Я ему контакты заказчика дам, он организует.

Ника отложила карандаш.

— Почему ему?

— Ну вы же теперь вместе. И у него выездная бригада, если снимать дверь надо.

— Снимать, возможно, не придется. Я хочу сначала посмотреть сама.

Мария замолчала на секунду.

— У меня так в заявке стоит: подрядчик Бережной, специалист Белова. Я думала, вы уже согласовали.

— Нет. Это мой частный заказ, если я его возьму.

— Давайте я уточню.

Разговор закончился мирно. Ника разжала пальцы, которыми стиснула телефон. В заявке ее уже записали специалистом чужой фирмы. Возможно, просто ради удобства. Ника злилась на себя за подозрительность. И на то, что повод все-таки был.

Пришли фотографии старой двери: на нижнем торце темнели следы влаги. Ника запросила подробные снимки и размеры. Марии написала отдельно: «Прошу не включать меня в

подряд Матвея без согласования. На первичный осмотр поеду сама». Перед отправкой проверила адрес. Она не хотела, чтобы это сообщение переслали мужу как жалобу.

Вместо отчета она отправилась искать рулетку для больших проемов. Ее собственная была пятиметровая; требовалась длинная, с надежным фиксатором. Матвей говорил, что такая лежит в нише под лестницей.

Ниша закрывалась дверцей без ручки. Ника нажала на край: магнитный фиксатор щелкнул, дверца приоткрылась. Внутри стояла коробка с лампочками, складная стремянка, рулон садовой сетки. На стенке висел деревянный крючок, отполированный от частых прикосновений. Крючок был пуст.

На белой краске вокруг него оставалось ровное овальное пятно, будто на этом месте долго висела вещь, защищая стену от пыли. Ника провела по кромке пальцем. Свежая краска чуть отличалась по оттенку — кто-то недавно подкрашивал полку, но место за крючком не тронул. Ника отметила недоделку: фурнитуру следовало снять до покраски.

В глубине ниши обнаружилась корзинка с ключами. Большие, маленькие, от навесных замков, от дверей, которых давно не существовало. Все лежали в отдельных пакетах, на каждом подпись. «Калитка, запасной». «Чердак». «Сарай». Почерк тот же, что на зеленой бирке в сахарнице: мелкий, без наклона, слишком аккуратный для спешки.

Она не тронула ключи. Стояла перед открытой нишей и видела: у этого порядка был автор. Женщина, которая подписывала ключи, знала, какая лампочка где нужна, помнила, на каком крючке что висит, оставляла рецепты на холодильнике. Сама она пока знала здесь только расположение инструментов. Матвей говорил, что привык жить один. Однако дом по-прежнему жил по правилам Веры.

Рулетка нашлась на верхней полке. Ника взяла ее и услышала за спиной шаги по гравию — медленные, с паузой у кухонного окна. Она выглянула во двор. Никого. Калитка возле бокового прохода стояла чуть приоткрытой, хотя утром Матвей закрыл ее. На влажной дорожке темнел один свежий отпечаток подошвы; дальше его смыл дождь. Ника не смогла определить, чей он, зато теперь знала, что звук ей не почудился.

В половине третьего Матвей написал, что задержится еще на час. Котел оказался исправным, проблема была в термостате, но теперь его попросили проверить радиаторы. Ника ответила: «Я тогда сама поем». И поставила разогреваться гречку.

На холодильнике висела записка «Не забудь купить соль» — тем же мелким прямым почерком, что на бирках ключей. Ника коснулась бумаги пальцем и оставила ее на месте.

Тетрадь Веры нашлась в нижнем кухонном шкафу, поверх подставок под горячее. Ника искала крышку, но задержалась: на корешке клеенчатой обложки было написано «Кухня». Почерк совпадал с запиской на холодильнике.

Ника открыла первую страницу. «Треска в сметане. Сначала обсушить». Ниже — точное время для духовки и пометка: «Не добавлять много соли, М. опять досолит». На следующей странице: «Масло сливочное заменить частью растительного, если для мамы». Записки предназначались не потомкам, а тем, кто забудет простую вещь.

Рецепты занимали половину тетради. Остальные страницы были заняты расходами и хозяйственными мелочами: «петля на дверце, нижняя», «проверить фильтр после 15-го», «в прихожей справа скрипит». Ника нашла запись о лестнице. Там было только: «Столб у поворота, крепление — не трогать без мастера».

Ника перечитала запись о лестнице. «Не трогать» — почти те же слова, что в первом SMS. Она закрыла тетрадь, потом снова раскрыла на нужной странице.

У самой середины тетради лежал сложенный вдвое лист. На нем рукой Веры были выведены даты, в основном месяцы без года. Один столбец носил название «дом», другой — «заказчики». Ника быстро увидела, что это список задач, а не финансовые записи. В нем упоминались

стеклопакеты, мастер на чердак, звонок в страховую компанию. Все пункты были перечеркнуты кроме одного: «перепроверить опись».

Она задержала палец на этом слове.

Ника провела пальцем по словам «перепроверить опись». В кабинете у Матвея тоже не хватало листа. Она перенесла запись в блокнот, не меняя ни одного слова.

Она закрыла тетрадь и поставила кастрюлю на плиту.

В 15:48 пришло сообщение от Аси: «Жива там? Или уже на семейном совете решают, как тебе правильно расставлять тарелки?»

Ника ответила: «Тарелки пока стоят. Позвони, когда сможешь».

Ася перезвонила через десять минут. На заднем плане работала дрель.

— Я у отца, тут ремонт, — сказала она. — Что случилось?

— Мне два сообщения пришли.

— От кого?

Ника помолчала. Назвать Веру вслух оказалось труднее, чем думать о ней.

— С номера Веры.

Дрель стихла. Ася отошла от шума.

— Не с аватарки? Именно с номера?

— Обычные SMS. Мы сверили цифры с контактом у Матвея.

— А номер точно не переоформили?

— Может, переоформили.

— Что пишут?

Ника прочитала обе фразы. Ася не прервала. Потом спросила:

— Ты ящик открыла?

— Да.

— И?

— Там бумаги. Номера страниц. Девятнадцатого нет.

— Понятно. Ты уже сказала Матвею?

— Про первое он знает. Про второе тоже. Что я открывала ящик, не сказала.

— Потому что он попросил не открывать.

— Да.

— Ты ищешь отправителя SMS и одновременно скрываешь от мужа, что открыла его ящик. Это разные проблемы, — сказала Ася.

Ника раздраженно провела ладонью по столу.

— Ты сейчас будешь разбирать мой характер?

— Нет. Но если смешать их, ты перестанешь понимать, что узнала сама, а что тебе только кажется.

— Я не врала.

— Ника, не мне же.

Ника посмотрела на тетрадь Веры. Под ладонью чувствовался старый круглый след на клеенке — тетрадь использовали здесь годами.

— Я ответила уклончиво.

— Хорошо. Ответила уклончиво. Давай вернемся к сообщениям. Почему первое началось с запрета?

— В смысле?

— Тебе написали «не открывай», а ты открыла, — сказала Ася. — Может, именно на это и рассчитывали.

— Ты думаешь, отправитель специально хотел, чтобы я нашла бумаги?

— Проверь, что именно тебя заставили найти. И не позволяй им решать, что ты сделаешь дальше.

За окном кошка с надорванным ухом осторожно вышла к яблоне и остановилась у гравия. Ника невольно посмотрела на боковую калитку. За мокрыми прутьями забора никого не было.

— Ась, у тебя бывает чувство, будто собеседник отвечает не на твой вопрос, а на тот, который ему задали до тебя?

— Бывает. Особенно когда он заранее приготовил ответ.

— Я серьезно.

— Не пытайся угадать, что Матвей знает, — сказала Ася. — Записывай только то, что видела. А потом решай, как проверить остальное.

— У меня уже есть блокнот.

— Тогда используй его.

— Я таблицу по работе веду.

— Заведи отдельную. Не для заказов.

— Что произошло, откуда ты это знаешь и что нужно проверить. Три колонки, Ника. Хватит.

— Поняла.

— И не превращай разговор с мужем в допрос. Если захочешь знать — спроси прямо.

За стеной у Аси снова заработала дрель. Ника передвинула тетрадь Веры подальше от воды.

— Ты знаешь, что я нашла в кухне? — спросила она.

— Наверняка вещь, которая принадлежала первой жене.

— Тетрадь с рецептами.

— Положи на место. Она тебе не враг.

— Именно это мне и не нравится. Я все время злюсь на вещи.

— Ну так не на вещи злись. Спроси у Матвея, как вы будете жить с его прошлым. Он, может, и сам не умеет.

После разговора Ника завела отдельную таблицу: «Событие», «Источник», «Проверить». Внесла оба SMS с точным временем и запись о листах 17, 18, 20, 21. В последней колонке стоял вопрос: куда исчез девятнадцатый?

Ниже она записала даты соглашения — 15 и 18 марта 2024 года. Проверить: полный комплект документов.

Добавила: «Скрепки нет, след остался». И отдельно — название зеленой папки.

В графе источника пришлось написать: «Открыла ящик без разрешения Матвея». Эти слова неприятно выделялись на экране.

Последней строкой она внесла совпадение номера SMS с контактом «Вера» в телефоне мужа.

Рядом написала: «Матвей предложил удалить первое SMS, потом показал контакт». В графе вопросов оставила пробел.

Она закрыла ноутбук. Из сада донесся резкий звук, похожий на щелчок застежки. Подойдя к окну, Ника увидела только мокрую дорожку и приоткрытую калитку. Она закрыла штору.

Матвей позвонил под вечер: задерживался и обещал купить продукты. Ника посмотрела в почти полный холодильник и не стала спорить.

— Хлеба возьми, — сказала она.

— У нас был.

— Я выбросила. Засох.

— Хорошо. Хлеб.

Он не спросил о сообщениях. Ника тоже не стала обсуждать их по телефону.

Матвей появился на пороге с двумя пакетами. Дождь усилился, его куртка блестела от воды. Он поставил продукты на кухонный стол и снял ботинки, оставив мокрые следы на плитке. Ника молча принесла тряпку. Матвей взял ее из рук.

— Сам вытру. Ты что делала?

— Работала. С Марией разговаривала.

Он поднял глаза.

— Про дверь?

— Да. Кстати, почему у нее в заявке написано, что я специалист твоей фирмы?

— Потому что мы можем выполнить весь заказ. Дверь там часть реконструкции.

— А я у тебя работаю?

— Ты же сама говорила, что не хочешь искать клиентов с нуля.

— Я говорила, что мне нужны местные контакты.

— Ну вот. Я даю контакты.

Он выпрямился. Тряпка была в руке, мокрый след почти исчез.

— Что не так?

— Мне не нравится, когда меня включают в смету, даже не спросив.

— Тебя еще никуда не включили. Мария спросила, можешь ли ты посмотреть дверь. Если согласишься, будем обсуждать цену.

— Она сказала, что уже согласовала с тобой.

Матвей поставил тряпку возле мойки.

— Мы обсуждали, что у нас есть хороший специалист по дереву. Разве это секрет? Я тебя рекомендовал.

— Рекомендовать и распоряжаться моим временем — разные вещи.

Он посмотрел на нее так, как смотрел на клиента, который требовал переделать уже принятую работу.

— Я не распоряжаюсь. Я предлагаю. Ника, ты не в Петербурге, где у тебя мастерская и постоянные заказчики. Тут надо с чего-то начинать.

— Я и начинаю.

— Отлично. Тогда езжай завтра, посмотри дверь, предложи цену. Я помогу с доставкой материалов, рабочими, договором.

— А если я хочу сама заключить договор?

Матвей пожал плечами.

— Можешь. Только тогда за перевозку двери, если ее снимать, отвечаешь сама. И заказчик уже заплатил мне аванс по общим работам. Ему придется либо менять договор, либо оформлять дополнительный. Это неудобно.

— Ты говоришь так, будто у меня есть выбор, но любой выбор, кроме твоего, заранее плохой.

Он опустил глаза. Несколько секунд изучал линолеум возле холодильника, хотя там не было ничего интересного.

— Я не думал, что помощь тебя оскорбит.

— Она меня не оскорбляет. Меня оскорбляет, что я узнаю об условиях после того, как они уже установлены.

Матвей сел.

— Хорошо. В следующий раз сначала спрашиваю тебя. Этот заказ можем вообще не брать.

— Я хочу его посмотреть.

— Смотри.

Они оба замолчали. Они спорили о заказе, которого Ника еще не получила. Но оба понимали: дело не только в двери.

Матвей разобрал пакеты. Ника следила за тем, как он раскладывает покупки по полкам — без раздумий, точно зная место каждой вещи. Она вдруг почувствовала, что ее присутствие в этом доме пока ничего не изменило.

— Я же хотел тебе лучше, — сказал Матвей, не поднимая головы.

— Верю.

— Не похоже.

— Я верю, что ты хотел. Мне нужно, чтобы ты сначала спрашивал.

Он кивнул. Наконец он услышал разницу.

Перед сном он принес из прихожей зеленый ключ.

— Нашел, — сказал он. — Он от старого шкафа в сарае. Я сегодня вспомнил.

— Там же все на висячем замке.

— Шкаф внутри, не сарай. Неважно. Завтра покажу.

Ника взяла ключ, рассмотрела выцветшую бирку. На обратной стороне, которую раньше не видела, тонкими буквами было написано: «Малая».

— Почему «Малая»?

— Так Вера называла дверь, наверное. У нее был свой порядок.

— Знаю.

Он положил ключ обратно в сахарницу. «Свой порядок» был не просто памятью о Вере. Матвей продолжал пользоваться им, когда ему удобно, и не замечал, как часто Ника спрашивает разрешения войти в любую его часть.

В понедельник, двадцать шестого октября, Ника проснулась от короткого металлического стука. Кто-то задел лестничные перила, спускаясь вниз. Матвей уже одевался на работу. Из спальни она услышала, как он открыл шкаф в прихожей, что-то вынул и закрыл дверцу.

На кухне стояла чашка кофе. Рядом — записка его крупным почерком: «Не хотел будить. Позвони днем». Без обращения, без подписи. Ника сразу вспомнила слова Людмилы о записках Веры. Ничего удивительного, что люди, годами жившие вместе, переняли какие-то привычки. Но теперь ей было трудно понять, какие из них принадлежат Матвею, а какие он сохранил после нее.

Утром солнце ненадолго вышло из-за облаков и легло прямоугольником на стену у лестницы. Ника несла наверх чистое белье, когда заметила, что краска под светом отличается сразу на двух участках. Один — там, где стояла старая рамка с фотографией; другой — ниже, у поворота лестницы. В рассеянном свете они были почти невидимы. Сейчас белая стена выглядела собранной из листов разных оттенков.

Ника поставила корзину на ступеньку, провела пальцем по границе. Это был не след от плесени и не неаккуратная покраска. Кто-то снял закрепленный на стене прямоугольный предмет и подкрасил только часть поверхности, оставив под его прежним контуром старый слой.

Она сделала фотографию без вспышки. Солнечная полоса быстро сдвигалась, и через несколько минут оттенок снова исчез. Ника нашла в телефоне старые рабочие снимки дома, сделанные еще весной. Там стена была закрыта деревянной полкой с узкими боковыми выступами. Полка исчезла до свадьбы. Матвей мог снять ее ради ремонта; она сама не спросила тогда, зачем.

У поворота лестницы опять блеснула новая латунная шпилька. Она была не в стене, а в столбе, и к пропавшей полке отношения, по видимости, не имела. Ника опустилась на ступеньку и открыла таблицу в телефоне. Написала: «Полку сняли между весной и октябрем. Причина неизвестна». В соседней графе оставила пусто.

Днем позвонила Людмила Павловна. Ей понадобились размеры полки, которую вчера поправлял Матвей: она хотела заказать коробки для белья, а сын измерил все, кроме глубины.

— Можешь у него спросить, когда он вернется, — сказала она. — Только не звони специально, он опять на объектах.

— Конечно. Могу сама подъехать с рулеткой.

— Не нужно тебе из-за коробок ехать. Я не беспомощная.

— Я и не предлагаю помощь из жалости.

Людмила рассмеялась.

— Хорошо. Тогда приезжай как-нибудь за чаем. Без рулетки.

О погоде они обменялись двумя фразами. Ника уже хотела прощаться, когда взгляд упал на тетрадь Веры.

— Людмила Павловна, а вы знали, что Вера оставляла рецепты в кухонной тетради?

— Конечно. Она все записывала. Даже то, что знала наизусть. Говорила, это чтобы не зависеть от памяти.

— У нее и ключи подписаны.

— Она не любила, когда предметы пропадали. В библиотеке я ее научила: книга без места превращается в потерянную книгу. Только Вера этот порядок переносила на весь мир.

Людмила говорила тепло, без попытки сравнить двух женщин. Ника показала бы ей тетрадь, если бы они разговаривали лицом к лицу. По телефону оставалось слушать голос.

— А вы когда-нибудь думали, — начала Ника, — что вещи человека могут мешать другим после его смерти?

Молчание было коротким.

— Думаю об этом часто, — ответила Людмила. — Но не всегда знаю, кому они мешают, а кому помогают.

— Понимаю.

— Ты не обязана ничего выбрасывать. И хранить тоже не обязана. Это ваш дом с Матвеем.

Последнее прозвучало как разрешение. Ника поблагодарила, сама удивившись этому.

— И, Ника, — сказала Людмила напоследок. — Если не знаешь, куда положить какую-нибудь Верину вещь, не придумывай сама. Спроси. Она терпеть не могла, когда вещи переносили без объяснений. Говорила: положил не туда — считай, потерял.

Ника улыбнулась.

— Я запомню.

— Вот и ладно.

После звонка Ника осталась возле лестницы. Под ступенями стояла корзина с бельем, за дверцей — подписанные ключи. С улицы снова раздался короткий хруст гравия. На этот раз Ника не пошла к окну: боялась увидеть лишь пустой двор. Она подняла простыню, собираясь убрать ее в шкаф.

Когда она дошла до последней простыни, телефон завибрировал.

Сообщение пришло как обычная SMS, с того же номера. Время — 13:19.

«Посмотри под лестницей. Положил не туда — считай, потерял».

Ника осталась у открытого шкафа со сложенной простыней в руках. Последнюю фразу Людмила Павловна произнесла ей несколько минут назад. Она не говорила ее Матвею. Не писала Асе. И не слышала раньше в таком виде.

Отправитель знал про нишу под лестницей.

И повторил фразу, которую Людмила произнесла несколько минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.